Солопова О. А. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны) / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 148—167. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167.

Solopova, O. A., Koshkarova, N. N. (2021). Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 4: 148-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167

Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны)

Солопова Ольга Александровна

orcid.org/0000-0003-4170-7267

доктор филологических наук,
профессор

кафедры лингвистики и перевода
o-solopova@bk.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна

orcid.org/0000-0001-8861-0353

доктор филологических наук,
профессор

кафедры международных отношений,
политологии и регионоведения
nkoshka@rambler.ru

Южно-Уральский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012-00192

Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse

Olga A. Solopova

orcid.org/0000-0003-4170-7267

Doctor of Philology, Professor
Department of Linguistics and Translation
o-solopova@bk.ru

Natalya N. Koshkarova

orcid.org/0000-0001-8861-0353

Doctor of Philology, Professor
Department of International Relations,
Political Science and Regional Studies
nkoshka@rambler.ru

South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-012-00192

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена ретроспективному исследованию англоязычных медиадискурсов периода Второй мировой войны. Цель работы — выявление закономерностей моделирования образов войны и мира в британском, американском и австралийском военно-публицистических дискурсах. Предлагается определение военно-публицистического дискурса как институциональной формы коммуникации, выделяются его существенные характеристики. Источником материала послужили авторитетные оцифрованные архивы Великобритании, США и Австралии. Материал извлечен с помощью инструментов корпусной лингвистики. Содержательный анализ проведен в рамках когнитивно-дискурсивной методологии с использованием метода метафорического моделирования. Объектом исследования является доминантная метафора, задействованная в репрезентации образов войны и мира в трех дискурсах. Авторами показаны основные общие черты и специфические особенности реализации религиозной метафоры, обусловленные лингвокультурными и экстралингвистическими факторами. Делается вывод о том, что одним из средств образной репрезентации прошлого выступает религиозная метафора, которая располагает войну и мир на разных полюсах шкалы ценностных ориентаций и актуализирует бинарную аксиологическую оппозицию «добро — зло», «свет — тьма».

Ключевые слова:

образ войны; образ мира; религиозная метафора; оцифрованный архив; военно-публицистический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article studies the English-language media discourses of the World War II period from a retrospective point of view. The aim is to identify the patterns of modeling the images of war and peace in British, American and Australian media discourses. The definition of military media discourse as an institutional form of communication is proposed, its essential characteristics are highlighted. The source of the material was the authoritative digitized archives of the UK, the USA and Australia. The material was extracted using corpus linguistics tools. The qualitative analysis was carried out within the framework of the cognitive-discourse methodology using the method of metaphorical modeling. The object of the research is the dominant metaphor used when representing the images of war and peace in the three discourses. The authors show common and specific features of the use of the religious metaphor, conditioned by cultural and extra-linguistic factors, and conclude that the religious metaphor places war and peace at different poles of the scale of values and actualizes the binary axiological opposition “good — evil”, “light — darkness”.

Key words:

image of war; image of the world; religious metaphor; digitized archive; military media discourse.

Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны)

© Солопова О. А., Кошкарлова Н. Н., 2021

1. Дискурс о войне: аспекты изучения

Война относится к тем деструктивным явлениям в истории человечества, изучение которых находится в исследовательском фокусе разных научных направлений: философии, психологии, социологии, эстетики, политологии. В настоящее время в пространство информационно-психологической войны апологеты нового исторического нарратива «умело» вплетают ревизионистские теории, основной лейтмотив которых заключается в пересмотре причин и итогов Второй мировой войны, инверсии не только текущих геополитических, но и произошедших в далеком прошлом событий. В этом отношении эффективным инструментом противодействия ревизионистским теориям могут стать ретроспективные исследования, нацеленные на реконструкцию и репрезентацию образов прошлого и позволяющие установить коррелятивные связи между фрагментом мира прошлого и экстралингвистическими факторами.

Любое фундаментальное исследование должно базироваться на философских основаниях, что означает необходимость рассмотрения войны с точки зрения науки о познании мира. Взаимосвязь войны и социальных условий отражена в философском определении: «Война — это острый конфликт между социальными группами, странами, государствами, в разрешении которого участвуют вооруженные силы» [Философский словарь, 2001, с. 99]. С течением времени предложенная дефиниция модифицируется и трансформируется: интерференция новых социально-политических условий и обстоятельств в способы ведения войны приводит к необходимости уточнения вопроса о классификации анализируемого явления.

Ученые, занимающиеся философскими проблемами войны и мира, классифицируют войны на разных теоретико-методологических основаниях. Классификационные критерии включают характер военных конфликтов, сущность и содержание войны, «горячие» и «холодные» войны и другое. Такой широкий спектр оснований для классификации войн дает возможность уточнить определение анализируемого феномена и в качестве рабочей принять дефиницию, предложенную С. В. Бойко: война — это «двустороннее (многостороннее) острое противоборство государств (коа-

лиции государств), в ходе которого при достижении поставленных целей применяется как вооруженное насилие, так и несмертоносные средства ведения борьбы» [Бойко, 2014, с. 31].

К последним относятся средства массовой информации, которые вполне справедливо можно отнести к сфере функционирования военно-публицистического дискурса. В науке о языке на сегодняшнем этапе ее развития заложена некоторая теоретико-методологическая база изучения военно-публицистического дискурса через призму описания войны, конфликтного дискурса, военного и военного-политического типов дискурса. Исследователи описывают языковые аспекты войны [Lakoff, 1991; Mollin, 2018], деструктивные формы интеракции [Koshkarova et al., 2016; Starr et al., 2015], характерологические особенности военного дискурса [Ainsa, 1990; Олянич, 2015], военно-политический дискурс как гибридный тип взаимодействия [Бачурин, 2014; Солопова и др., 2018].

Несмотря на лапидарный характер исследований военно-публицистического дискурса можно выделить ряд работ, которые обращаются к указанной проблематике. В фокусе внимания ученых находятся вопросы взаимосвязи военного, политического, гендерного и национального типов дискурса [Ищенко, 2007], военно-публицистического дискурса стран-союзниц во Второй мировой войне [Bernat et al., 2019; Solopova, 2019], ретроспективного и диахронического анализа [Солопова и др., 2018; Solopova et al., 2019]. Вместе с тем неосвещенными остаются проблемы, связанные с лингвистическим изучением военно-публицистического дискурса: не вполне определен его статус в ряду смежных понятий (стиль, жанр, текст); отсутствует четкая дефиниция указанного типа взаимодействия; необходимо описание структурно-компонентной схемы данного вида интеракции и его дифференциальных признаков.

Проблема разграничения военно-публицистического, военного и военно-политического дискурсов получает двоякое решение в трудах российских исследователей: иногда его рассматривают в одном ряду с военно-политическим типом [Бачурин, 2014; Солопова и др., 2018]; в некоторых случаях — с военным дискурсом [Ищенко, 2007]. Такую трактовку военно-публицистического дискурса возможно объяснить его гибридным характером, когда в пределах одного дискурсивного поля функционируют и взаимодействуют с разной долей выраженности элементы военного, политического, массмедийного типов.

Полагаем, что военно-публицистический дискурс нуждается в самостоятельной дефиниции и отдельной характеристике. Под *военно-публицистическим дискурсом* мы понимаем «формат институционального дискурса, сложившийся в среде массовой коммуникации, соотношенный с во-

енной реальностью и репрезентирующий ее, находящийся под влиянием экстралингвистического контекста (культурно-исторического, идеологического, политического, социального)» [Солопова и др., 2019, с. 766].

Исходя из определения военно-публицистического дискурса считаем целесообразным сделать акцент на следующих его свойствах: институциональность, которая определяется его функционированием в медиасреде, интеракцией коммуникантов — журналистов и аудитории, выполняющих свойственные им роли; гибридность, которая проявляется в интеграции элементов других типов институционального общения — военного и публицистического; военно-фактологическая информативность, означающая передачу точной информации в сжатом и концентрированном виде; мифологизированность, которая проистекает из столкновения нескольких систем ценностей; «декоративность», достигающаяся за счет употребления образных и экспрессивных средств.

2. Метафора в дискурсе о войне

Одной из важных составляющих военно-публицистического дискурса является использование образных средств, разновидностью которых выступает метафора, изучаемая и описываемая в рамках теории политической метафоры. Теория метафорического моделирования берет свои истоки в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff et al., 2003], а затем получает свое развитие в трудах российских и зарубежных лингвистов [Chilton, 2005; Frank, 2009; Gibbs et al., 2008; Musolf, 2008; Solopova, 2019; Vertessen et al., 2008; Чудинов и др., 2020].

Для анализа материала был применен метод метафорического моделирования, признанный наиболее продуктивной схемой анализа метафоры в дискурсе [Чудинов и др., 2020]. Метод позволяет проследить действие аналоговых механизмов в постижении абстрактного мира, выявить прототипический признак, являющийся основанием метафорического переноса, определить его культурную и историческую обусловленность в соответствующий период [Кондратьева, 2011].

Религиозная метафора, являющаяся объектом проводимого исследования, основана на архетипических представлениях человека об окружающем мире. Исследователи не раз отмечали особую риторическую силу архетипической метафоры в дискурсе, доказывали, основываясь на эмпирических данных, распространенность и востребованность таких метафор [Harvey, 1999; Osborn, 1967; Trim, 2011]: из почти безграничного диапазона возможностей для образных ассоциаций архетипический метафорический паттерн всегда предпочтителен другим единицам. Этот факт объясняется учеными «иммунитетом» архетипической метафоры к изменениям, вы-

званным временем, ее инкарнированностью в пласт социальных и культурных представлений, что, в свою очередь, детерминировано экзистенциальным опытом человека и основными движущими мотивами, лежащими в основе любой деятельности, в том числе познавательной.

Одним из вариантов реализации архетипов является существование в сознании человека бинарных оппозиций (добро — зло, свет — тьма, герой — злодей и др.). Бинарные оппозиции берут свои истоки в мифологической картине мира, когда семантика мировой модели описывается через существование противопоставленных друг другу признаков. Подобная дихотомия типична и для военно-публицистического дискурса, аксиосфера которого характеризуется противопоставлением «своих» и «чужих», военного противостояния в настоящем и вероятного мирного будущего, возможной победы одной стороны и неминуемого поражения другой. Аксиологическая оппозиция, свойственная культурной картине мира, транслируется и на военно-публицистический дискурс, представленный в концептах войны и мира, которые, с одной стороны, находятся в противоречивых отношениях, а с другой — образуют единое целое, так как находятся на единой ценностной шкале «добро — зло».

В исследовании религиозная метафора проанализирована с опорой на следующие элементы: первоначальная область знаний и (или) понятий, коррелирующая с неметафорическими значениями компонентов модели, образы и смыслы исходной сферы-источника; вновь образованная область знаний и (или) понятий, соотносящаяся с метафорическими значениями единиц модели, образы и смыслы сферы-мишени, коррелятивные связи между образами одной сферы-мишени (например, войны / мира), между образами разных сфер-мишеней (войны и мира); компонент, связующий две сферы и обуславливающий возможность метафорической проекции; заложенный в метафоре прагматический потенциал; универсальные и национально-специфические черты в трех дискурсах.

3. Формирование исследовательского корпуса и количественная обработка данных

На *первом этапе* для отбора материала исследования применялись технологии корпусной лингвистики. Под корпусом, вслед за В. П. Захаровым, будем понимать «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров и др., 2011, с. 8]. Источниками материала являются авторитетные оцифрованные полнотекстовые архивы англоязычных периодических изданий: британский (BNA), американский (CA),

австралийский (Trove). Каждый ресурс оснащен поисковым интерфейсом, позволяющим исследователю задать критерии расширенного поиска по словоформам, по временному диапазону, типу документа и другим параметрам. Документы на электронных ресурсах доступны для скачивания и представляют собой отсканированные копии оригинальных материалов, что исключает возможность редактирования и корректирования исходного текста пользователями. Данные корпуса текстов отвечают критериям репрезентативности, количества данных, качества оригинальных текстов, структуризации материала, возможности извлечения данных и сортировки документов по релевантности.

В каждом архиве в расширенном поиске были заданы следующие параметры: ключевые слова (war / peace) с условием встречаемости словоформ в пределах одного текстового документа, временной интервал (1 сентября 1939 — 2 сентября 1945), тип документа (статья, иллюстрированная статья), тип сортировки документов (по релевантности). Результат компьютерной обработки данных представляет массив документов, соответствующих критериям отбора, который составил 10878 в британском корпусе, 9927 — в американском корпусе, 7345 — в австралийском.

Второй этап отбора материала предполагал ручную обработку каждого текста, что является весьма трудоемкой и скрупулезной процедурой, поэтому в выборку были включены первые 500 текстов, отсортированные по релевантности, из каждого корпуса, созданного на первом этапе, то есть выборка из британского, американского, австралийского дискурсов представлена равным объемом проанализированного материала. Следует подчеркнуть, что разработанные к настоящему моменту программы автоматизированного извлечения единиц в переносном значении из корпусов текстов [Birke et al., 2006; Shutova et al., 2013] не могут быть использованы для поиска метафор в собранном массиве материала по нескольким причинам. Во-первых, программы ориентированы на работу с современными корпусами данных, в которых документы представлены в текстовом формате, а не в оцифрованном виде. Современные системы оптического распознавания данных, которыми оснащены архивы, конвертируют файлы в редактируемый текстовый формат. Однако при экспорте документов качество преобразуемых текстов зависит от общего состояния оригинальных материалов, датируемых 1939—1945 годами, факторов старения и дефектов. Во-вторых, такие программы, как правило, нацелены на извлечение лексических единиц в переносном значении, конвенциональных метафор и на их частеречную классификацию, но не предназначены для определения сферы-источника и сферы-мишени метафоризации. В-третьих, метафорическая проекция, будучи явлением концептуальным, в своих «границах»

часто не совпадает с одной лексической единицей, не является «стертой» и конвенциональной, а наоборот, — индивидуально авторской. Более того, концептуальная метафора может реализовываться в пределах контекста и развертываться в целом тексте, что вновь свидетельствует в пользу скрупулезного изучения каждого текста и выявления метафор вручную. Согласно алгоритму, предложенному А. П. Чудиновым [Чудинов и др., 2020] и поставленной цели исследования из массива материала отбирались *словопотребления*, которые репрезентируют сферы-мишени «война» и «мир» через средства других концептуальных доменов (например, WAR is HELL; PEACE is PARADISE), что напрямую согласуется с общепринятой трактовкой концептуальной метафоры, постулирующей, что структура и смыслы одной сферы-источника проецируются на другой концептуальный домен [Lakoff et al., 2003].

На следующем этапе была произведена разметка каждого сформированного корпуса. При инвентаризации больших массивов употребления концептуальных метафор существенное значение отводится метаязыку описания метафорики, поскольку разметка текстов в терминах единого метаязыка в значительной степени предопределяет получаемый результат. В случае выборки метафор это особенно важно, поскольку семантический метаязык может кодировать смыслы на различных уровнях абстракции. Соответственно, области источника и цели для одного и того же вхождения метафоры могут получать различные наборы семантических маркеров. Кроме того, семантические следствия из метафоры часто плохо отделимы от семантики метафоры в точном смысле, что также остается проблемой даже для ручного кодирования контекстов. Тем не менее в рамках данного исследования, следуя логике метода метафорического моделирования, была предпринята попытка систематизации и классификации метафорических единиц по сферам-мишеням метафорической экспансии «война» и «мир» и определения сферы-источники метафоризации. Разметка каждого метафорического контекста включает указание сферы-мишени (*СМ*), сферы-источника (*СИ*), отрицательного (—) или положительного (+) прагматического потенциала (*П*), который она реализует в пределах контекста. Например, War is hell (Война — это ад) / Smith's Weekly, 22.08.1942 [Trove]: *СМ война, СИ религия, П —*.

В дальнейшем размеченные контексты с однотипными сферами-мишенями (война, мир) были сгруппированы в отдельные документы, метафоры классифицированы по сферам-источникам. Общее количество метафор, зафиксированных в британском военно-публицистическом дискурсе, — 325, в американском — 297, в австралийском — 92. Результаты следующего этапа — статистической обработки данных — представлены в таблицах (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Статистический анализ представленности метафорических моделей
со сферой-мишенью «война»

Сфера-источник	Великобритания (всего — 237)	США (всего — 223)	Австралия (всего — 79)
религия	32,4%	28,7%	36,7%
преступление	10,5%	23,8%	18,9%
неживая природа	24,9%	6,3%	—
болезнь	10,4%	2,7%	13,9%
физиология	8%	1,8%	6,4%
спорт / игра	4,6%	10,2%	6,4%
строительство	2,9%	5,4%	—
бизнес / работа	2,1%	15,7%	15,2%
другие	4,2%	5,4%	2,5%

Таблица 2

Статистический анализ представленности метафорических моделей
со сферой-мишенью «мир»

Сфера-источник	Великобритания (всего — 88)	США (всего — 74)	Австралия (всего — 13)
религия	23,9%	32,4%	46,2%
работа / задача	14,8%	37,8%	38,5%
болезнь	23,9%	—	—
неживая природа	13,6%	—	—
преступление	2,3%	18,9%	—
строительство	12,5%	—	—
родство	2,3%	—	—
другие	6,7%	10,8%	15,3%

Данные статистического анализа позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, в трех дискурсах образы «войны» преобладают над образами «мира»: война как настоящее, которое человек и общество проживают ежедневно, ежесекундно, занимает доминирующее положение по сравнению с образами «мира» (одной из вероятных альтернатив будущего и концептуализации прошлого).

Во-вторых, данные статистического анализа показывают также, что наиболее метафоричным в репрезентации образов «войны» и «мира» является британский дискурс (325 единиц), что обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами. Британия участвовала во Второй мировой войне

с самого ее начала: именно она в сентябре 1939 года первой объявила войну Германии; военные действия велись ее вооруженными силами и на ее территории (Битва за Атлантику, Битва за Британию); Великобритания была одним из главных союзников в Большом Альянсе. На наш взгляд, смыслы враждебности, нагнетания надвигающейся / реальной угрозы, потребности сбалансировать / нейтрализовать врага являются одним из решающих факторов в активизации метафорических единиц при моделировании войны как настоящего (с превалированием метафор с негативным прагматическим потенциалом) и мира как вероятной проекции будущего и ностальгии по ушедшему прошлому (с безусловной доминантой единиц с положительной оценочностью).

Несколько ниже степень метафоричности американского дискурса (297 единиц), что, вероятнее всего, связано с тем, что США вступили в войну позднее, в декабре 1941 года. Несмотря на то, что Америка наряду с Великобританией и СССР также являлась одной из стран «Большой тройки», война территориально велась на другом континенте, и государство находилось далеко от главного театра военных действий, за исключением Тихоокеанского фронта.

Наименее метафоричен австралийский дискурс периода Второй мировой войны (92 единицы): Австралия, будучи доминионом Великобритании, объявила войну одновременно с последней, которой она была обязана оказывать военную поддержку; однако отдаленное географическое положение и небольшое количество нападений на австралийский континент обусловило меньшее количество текстов о войне и мире, метафорических единиц в целом, собственно метафорических моделей, задействованных в репрезентации образов «войны» и «мира», в дискурсе Австралии. Подчеркнем, что в случае проведенного исследования степень метафоричности не может быть обусловлена спецификой «случайно» выбранных текстов, поскольку параметры отбора исследуемого материала были равнозначны для каждого из анализируемых дискурсов.

Сопоставительный анализ полученных данных позволил выделить доминантную метафору при репрезентации образов «войны» как зла и «мира» как добра. Поскольку проблема добра и зла является центральной во всех религиозных доктринах, самой востребованной стала архетипическая метафора религии (таблица 1, 2), занимающая первое место на шкале частотности при создании образа войны в трех дискурсах, при моделировании образа мира — в британском и австралийском дискурсах, второе — в дискурсе США.

4. Религиозная метафора в моделировании образов «войны» и «мира»

Активизация религиозной метафоры в дискурсе о войне и о мире связана и с тем, что она заставляет искать ответы на вечные вопросы. Бинар-

ная метафорическая оппозиция, которая развивается в рамках религиозной метафоры, соотносится с дуалистической концепцией — вечной борьбой двух начал. Эти начала трансцендентны: свет и тьма, добро и зло, Бог и дьявол, Христос и Антихрист: *The present war is part of immense struggle between light and darkness* (Нынешняя война — это кровопролитная схватка между светом и тьмой) / The Children's Newspaper, 19.02.1944 [BNA]. *Conflict of Light and Darkness. I declare that for me neutrality of heart is impossible in this struggle. I see it as a great conflict between light and darkness* (Борьба света и тьмы. Невозможно жить с холодным сердцем в этой распри. Для меня это великая битва между светом и тьмой) / Evening star, 17.03.1943 [CA]. *The war in which many nations were at present involved was a clash between two ideals — one evil and one good* (Война, в которую оказались втянуты многие народы, стала столкновением двух идеалов — добра и зла) / The Telegraph, 16.09.1940 [Trove]. Столкновение добра и зла, света и тьмы (согласно религиозному осмыслению дихотомии представленных нормативно-оценочных категорий) вербализуется в метафорах масштабного острого противостояния.

Метафоры тьмы и света в репрезентации образов войны и мира имеют материальную природу, то есть реальное воплощение в физическом мире: материальная тьма — нацизм — окружает мир, ступает над человечеством и поглощает его. Это не только идеология человеконенавистничества, но иная форма жизни, в которой нет добра, человечности, чести, совести и сострадания — всего того, что составляет основу морали. Война, порожденная тьмой, — это зло: *What we are really fighting is a horrible system of diabolical evil* (Сегодня мы ведем битву с отвратительным и дьявольским злом) / Cornish Guardian, 26.02.1942 [BNA]. *War is the most terrible evil that afflicts the human race* (Война — это самое ужасное зло, которое может обрушиться на человечество) / News Dispatch, 02.11.1944 [CA]. *All right thinking people will agree that war is a terrible evil* (Все благочестивые люди согласятся, что война — это ужасное зло) / The Advertiser Adelaide, 29.04.1944 [Trove].

Следует отметить, что понимание зла — культурно обусловленное явление. Зло не является абсолютным: для одного и того же человека, одного и того же сообщества многократно меняются обстоятельства и устои, определяющие те моральные принципы, которые согласуются или, наоборот, идут вразрез с нравственными ценностями общества. Однако война не только абсолютизирует зло, но и в какой-то мере нивелирует его культурно специфическое понимание: *The world becomes hell and charnel house* (Мир превращается в ад и становится склепом) / Cornishman, 09.09.1943 [BNA]. *That's war... the damnable hell of war* (Эта война — это кишящий демонами ад) /

The Wilmington morning star, 12.02.1944 [CA]. *War is hell* (Война — это ад) / Smith's Weekly, 22.08.1942 [Trove]. Война — это ад, кишачий демонами, иссушающий души и калечащий тела; геенна огненная, в которой заживо сжигают детей и младенцев; выжженная земля, по которой растекаются реки из расплавленного металла и крови и где воздух пропитан ужасом и болью. Но если в религиозных учениях вечное страдание является наказанием только для грешников за неверие и ослушание, война касается всех и каждого.

Зло не только абсолютно, поскольку оно является недопустимым для человечества, оно персонифицировано: *This man, Hitler, is a brute who will not stop at anything. He does not mind bombing churches, hospitals, and killing civilians. Hitler is the personification of the devil himself* (Гитлер — это зверь, который не остановится ни перед чем. Он не гнушается разрушать церкви, больницы, убивать мирных жителей. Гитлер — это воплощение дьявола на земле) / Clitheroe Advertiser and Times, 31.01.1941 [BNA]. *HITLER AND THE DEVIL. The Devil said, "Howdy," and Hitler, "How are you? I'm running a hell here on earth, so tell me what to do." "What can I do," the Devil said, "dear old pal of mine. It seems you don't need any help. You're doing mighty fine* (ГИТЛЕР И ДЬЯВОЛ. Дьявол: «Привет!» — Гитлер: «Как дела? Я устроил ад на земле. Скажи мне, что делать». — Дьявол: «Что тебе сказать, дружище. Кажется, тебе не требуется моя помощь. Ты сам отлично справишься») / Roanoke Rapids herald, 18.12.1941 [CA]. *This army's leader (Hitler) is the very quintessence of all diabolical evil* (Гитлер как военный лидер — это и есть квинтэссенция дьявольского зла) / Queensland Times, 17.01.1942 [Trove]. В военно-публицистическом дискурсе Второй мировой войны трех стран главный идеолог нацизма А. Гитлер представлен как проводник зла на земле, пособник дьявола или сам дьявол во плоти. Он отмечен «меткой зверя», «печатью Антихриста» (*the mark of the beast* / The Scotsman, 10.10.1940 [BNA]) или сам является «зверем», выбравшим мир тьмы по собственной воле и пытающимся возродить все темное в человечестве и сжечь его изнутри (*Hitler, Beast of Berlin* (Гитлер, берлинский зверь) / Roanoke Rapids herald, 12.12.1940 [CA]).

Союз Третьего Рейха, его пособников и сателлитов репрезентируется как демонические, сатанинские силы: *evil force of the Axis Powers* (враждебные силы гитлеровской коалиции) / Sunderland Daily Echo and Shipping Gazette, 21.05.1942 [BNA], *hellish forces* (адские силы) / The Key West citizen, 03.12.1939 [CA], *satanic forces* (сатанинские силы) (Southern Cross 24.10.1941 [Trove]). Это враждебные силы насилия и жестокости, несущие хаос, разрушение и смерть.

Армии гитлеровской коалиции — питомцы демонов, свора ненасытных и свирепых псов со зловонным дыханием и огромной пастью, загоня-

ющих для своего хозяина добычу, встреча с ними означает выход на грань миров и предрекает скорую и неминуемую смерть: *The hounds of hell unleashed in fury, intense, who roam at large, deal out death, destruction and pestilence* (Спущенные с привязи злобные и ненастные адские псы бродят в поисках смерти, разрушения и гибели) / Berwickshire News and General Advertiser, 11.05.1943 [BNA].

Показательно, что метафора «адских псов» частотна при репрезентации жестокости и зверств нацистской армии в военно-публицистическом дискурсе Великобритании. Образ «собак из ада» уходит корнями в предания, мифы и фольклорные традиции многих культур. Не является исключением и Великобритания. В различных регионах существуют собственные предания: в графствах Англии адская гончая известна как *Black Shuck, Padfoot, Barguest, the Harry Hound, the Yeth hound*, в Ирландии — как *Pooka*, в Уэльсе — *the Gwylgi*, в Шотландии — *Cù Sìth*. Следует подчеркнуть, что ни одна другая страна в мире не хранит такое множество легенд о черных псах [Barber, 2007].

Отметим, что если в фольклорной традиции Великобритании образ адской гончей многогранен: черные псы — не только предвестники смерти и болезни, но и проводники заблудших душ и стражи царства мертвых, — то в военно-публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны он транслирует исключительно отрицательные черты, как внешние, так и поведенческие. Армии стран Оси, как адские псы, являются вестниками грядущей смерти, внушают ужас и лишают своих жертв способности сопротивляться; они ненасытны и упорны, обладают такой силой, скоростью и чутьем, что от них невозможно скрыться. Адские псы не сразу убивают жертву, они терзают ее, стремясь доставить как можно больше страданий, и исчезают, оставляя после себя выжженную землю.

В моделировании образа войны для военно-публицистических дискурсов Великобритании, США и Австралии характерно концептуальное созвучие и взаимовлияние религиозных метафор. Война — это ад, место, в котором нет света, счастья и покоя, полное огня, дыма и стонов; Гитлер и его пособники — сатана и демоны, испытывающие ненависть ко всему живому, истязают тела и наполняют души неимоверной болью и ужасом; армии нацистов и фашистов — исчадия ада, которых влечет запах смерти, убийцы, посланные уничтожить человечество. В рамках религиозной метафоры моделируется яркий отрицательный образ врага, олицетворяющего войну, — вселенское зло. Чем мощнее представляется враг, тем значимее становится роль защитников, проводников добра.

Несмотря на преобладание метафорической репрезентации зла, воплощенного в собственно военных действиях и поступках конкретных исто-

рических деятелей, остается надежда на победу добра, источником которого является Бог. Контексты с религиозной метафорой в трех дискурсах свидетельствуют о том, что добро не существует автономно от Бога, только через веру в Бога возможна победа над злом и установление мира на земле: *Victory and Peace through God* (Победа и мир с божьей помощью) / Henderson daily dispatch, 25.09.43 [CA]. Мир при этом является благом, которое нельзя получить даром, это результат трудной и кропотливой работы, итог выполнения определенных требований и правил, награда за благочестие и непорочность характера: *Peace is a blessing, the achievement of which demands the fulfilling of obligations as well as sacrifices and virile endeavor* (Мир — это благословение, а его достижение требует исполнения правил, жертв, зрелых поступков) / Bristol Evening Post, 18.11.39 [BNA]. <...> *History, both Biblical and secular, seems to teach that peace is blessing bestowed upon nation and its peoples as a reward for Godliness and uprightness of character* (Библейская и светская история учит нас, что мир — это благословение, дарованное нации и людям в качестве награды за благочестие и непорочность характера) / Diss Express, 13.03.1942 [BNA].

Достижение мира на земле и борьба с нацизмом описываются в терминах религиозной семантики и расцениваются как священная война за восстановление миропорядка, сохранение христианской цивилизации и защиты веры: *ALLIES' CRUSADE. The war against Nazi Germany is a crusade to save Christian civilisation, and those enlisting in the Services are first and foremost defenders of the faith* (КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СОЮЗНИКОВ. Война против нацистской Германии — это крестовый поход по спасению христианской цивилизации, а его участники — это первые и главные защитники веры) / Edinburgh Evening News, 28.10.1939 [BNA]. <...> *The idea of the holy crusade indicates a complete collapse of the Nazi diplomatic offensive* (Идея священного крестового похода означает полный провал дипломатической атаки немцев) / Evening Star, 09.07.1941 [CA].

Метафора священной войны уходит корнями далеко в историю и отсылает нас к серии религиозных военных походов XI—XV веков, целью которых было остановить экспансию мусульманских государств, вернуть Святую землю на Ближнем Востоке и бывшие христианские территории. Крестовые походы — это одна из самых противоречивых страниц в истории христианства, однако термины, описывающие это событие, потеряли свою изначальную пейоративную семантику и в настоящее время обозначают «решительную попытку изменить или достичь чего-то», а участник такой кампании обозначается генерализованным термином со значением ‘борец’. Таким образом, внутри религиозной метафоры актуализируется милитарная метафорика, что объясняется экстралингвистическими факторами и обстоятельствами: зло,

царящее в мире, должно получить достойный отпор; в таких условиях нет места бескомпромиссному пацифизму; справедливость должна быть восстановлена. Ответственность за это благое дело лежит на всех и каждом: *We are crusaders and we have to prove that we are worthy of victory. We have to make a just peace and must end the war in such a way that the grievances the Germans have shall be against their own rulers, against their leaders, and against the system which brought them again to defeat* (Мы крестоносцы, и мы должны доказать, что мы достойны победы. Мы должны установить справедливый мир и завершить войну так, чтобы требования, предъявляемые Германией, обернулись против ее лидеров и системы, которая в итоге приведет их к поражению) / Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, 11.11.1939 [BNA].

Смысловая парадигма религиозной метафоры контекстуально подержана прецедентным выражением ‘потерянный рай’: *We shall achieve the victory of all victories and help to regain our lost paradise peace on earth* (Мы одержим эту грандиозную победу и поможем вернуть потерянный рай на земле) / Mid Sussex Times, 12.08.1941 [BNA]. Если фразеологизм *lost paradise* находится на отрицательном полюсе аксиологического вектора ‘добро — зло’, то желаемое мирное будущее представлено широким синонимическим рядом, включающим прилагательные с религиозной семантикой (Divine, Godlike, spiritual): *If there is one reward that is to be cherished above all other rewards in winning the victory it is the reward of tasting the joyous peace of the Divine Mind* (Если и есть награда, которую стоит хвалить и лелеять превыше всех наград в борьбе за мир, — это награда жить в светлом мире божественного разума) / Worcester Democrat and the Ledger Enterprise, 10.02.1939 [CA] <...> *War is pagan, uncivilized, idolatrous. Peace is Godlike, spiritual, and, in the best sense, civilized* (Война — это языческое, нецивилизованное, идолопоклонническое изобретение человечества. Мир божественен, духовен и в самом лучшем смысле этого слова цивилизован) / Worcester Democrat and the Ledger Enterprise, 22.09.1939 [CA].

Наивысшим благом для человечества является победоносный мир: *We are moving forward surely, irresistibly, and perhaps with God's aid, swiftly towards victorious peace* (Мы верно, непреклонно и с божьей помощью приближаемся к победоносному миру) / Bury Free Press, 01.12.1944 [BNA] <...> *Implore God for a victorious peace* (Молим Бога о победоносном мире) / The Wilmington Morning Star, 26.05.1940 [CA]. Как видно из приведенных контекстов, одержать превосходство над злом и врагом как его физическим воплощением можно только с помощью Бога, что еще раз подчеркивает мысль о том, что в сознании людей (особенно в период тяжелых испытаний) мир является синонимичной религии и добру константой. Религиозная метафора в таком случае дает возможность интерпретировать

добро как морально-этическую категорию, детерминированную не только национальными и социальными, но и морально-нравственными установками носителей языка.

В проанализированных дискурсах на текстовом уровне религиозная метафора выражается и через концептуальное противопоставление света и тьмы, добра и зла, праведных и нечестивых поступков, что соотносится с библейским сюжетом о сотворении мира Богом, когда он разделил тьму и свет, создал день и ночь и сотворил мир: *Enable us to see the forces Thou hast in reserve in this universal struggle between light and darkness. Make clear to us wherein we fight on the side of Thy truth* (Вразуми нас увидеть твою силу в этой всемирной борьбе между светом и тьмой. Укажи нам путь, по которому следует идти для борьбы ради твоей правды) / The Wilmington Morning Star, 03.04.1945 [CA] <...> *It is the struggle between truth and error; sin and righteousness, light and darkness, God and the Devil* (Это битва между правдой и ложью, грехом и праведностью, светом и тьмой, Богом и дьяволом) / Queensland Times, 17.01.1942 [Trove].

Если приведенные контексты выражают лишь надежду на светлое будущее, веру в победу над злом с помощью Бога, стремление жить в лишенном зла и ужасов разрушения мире, то материалы, датированные 1945 годом, преисполнены радости и эйфории от одержанной победы, которая в рамках анализируемой метафоры интерпретируется через лексические единицы с религиозной семантикой: *Their (allied forces) deeds have lit a holy flame that nothing can destroy* (Действия объединенных сил зажгли священный огонь, который никто не может потушить) / Daily Advertiser, 22.08.1945 [Trove].

Проведенный анализ религиозной метафоры показал, что в военно-публицистических дискурсах Великобритании, США и Австралии периода Второй мировой войны рассматриваемая сфера-источник обнаруживает больше общих черт, чем особенностей.

5. Заключение

Проведенное исследование подчеркивает необходимость самостоятельного изучения военно-публицистического дискурса как гибридного типа коммуникации и системы метафор, используемой при моделировании войны и мира. Авторами показано, что одним из средств образной репрезентации прошлого в военно-публицистических дискурсах Великобритании, США и Австралии выступает религиозная метафора, которая располагает войну и мир на разных полюсах шкалы ценностных ориентаций и разводит коннотативные смыслы в рамках одной метафорической модели, актуализируя бинарные аксиологические оппозиции «добро — зло», «свет — тьма». Это напрямую соотносится с такой чертой дискурса

о войне, как мифологизированность — постижение окружающей действительности через призму бинарных оппозиций мира и войны, света и тьмы, порядка и хаоса, друга и врага, своих и чужих.

Доминантность метафоры и универсальность транслируемых ей смыслов в трех дискурсах связаны со сферой-источником и объясняются тем, что любая религия является универсальным культурным механизмом регуляции человеческой деятельности и базируется на дуализме добра и зла. Такая характеристика присуща военно-публицистическому дискурсу независимо от его языковой и национальной принадлежности, так как представления о войне как разрушающей силе и о мире как созидательной потенции человечества универсальны. Кроме того, период интенсивных военных действий (как экстралингвистический фактор) абсолютизирует добро (мир) и зло (войну) для стран, входивших в один союзнический лагерь. Немногочисленные специфические отличия обусловлены лингвокультурными и экстралингвистическими факторами и проявляются в частотности единиц модели в трех дискурсах, в разнообразии продуцируемых образов, в развернутости метафор.

Источники и принятые сокращения

1. *Философский словарь* / под ред. Фролова И. Т. — Москва : Республика. — 2001. — 719 с.
2. BNA — *Archive The British Newspaper Archive* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed 23.09.2020).
3. CA — *Chronicling America: The National Endowment for the Humanities and the Library of Congress* [Electronic resource]. — Access mode : <https://chroniclingamerica.loc.gov/> (accessed 23.09.2020).
3. *Trove* [Electronic resource]. — Access mode : <https://trove.nla.gov.au/> (accessed 23.09.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе / В. Д. Бачурин // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 99—104.
2. Бойко С. В. Философские проблемы войны и мира : типы и виды войн современной эпохи, их особенности / С. В. Бойко // Научная мысль. — 2014. — № 1 (120). — С. 16—24.
3. Захаров В. П. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. — Иркутск : ИГЛУ, 2011. — 161 с.
4. Ищенко Н. А. Военный дискурс и дискурсивное измерение войны / Н. А. Ищенко // Культура народов Причерноморья. — 2007. — № 116. — С. 22—24.
5. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси / О. Н. Кондратьева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 4 (29). — С. 36—47.

6. Олянич А. В. Милитарный (военный) дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. — 2015. — № 12 (2). — С. 165—167.
7. Солопова О. А. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны / О. А. Солопова, М. С. Салтыкова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — № 23 (3). — С. 762—783. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783.
8. Солопова О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов : колокола победы и Russia's V-Day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — № 22 (2). — С. 313—337. — DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.
10. Чудинов А. П. Политическая метафорология : дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта. — 2020. — 236 с.
11. Ainsa F. Necesidad de la utopia / F. Ainsa. — Buenos-Aires : Tupac Ediciones, 1990. — 171 p.
12. Barber R. British Myths And Legends / R. Barber. — Southhampton : The Folio Society, 2007. — 572 p.
13. Bernat O. The development of intercultural competence of students at a foreign lesson when working with digital archives of the Second World War period (based on the material of periodicals) / O. Bernat, M. Chernysheva, N. Shatrovich, M. Raevskaya. // ICERI2019 Proceedings 2019. — Spain : Seville, 2019. — P. 6051—6058.
14. Birke J. A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of non-literal language / J. Birke, S. Anoop // Proceedings of EACL-06 2006. — Italy : Trento, 2006. — P. 329—336.
15. Chilton P. A. Manipulations, Memes and Metaphors : the Case of Mein Kampf / P. A. Chilton // New Perspectives on Manipulative and Ideological Discourse in Pragmatics and Discourse Analysis. — Amsterdam : Benjamins, 2005. — P. 15—43.
16. Frank R. M. Shifting Identities : Metaphors of Discourse Evolution / R. M. Frank // Metaphor and Discourses. — New York : Palgrave MacMillan, 2009. — P. 173—189.
17. Gibbs R. W. The Social Cognitive Dynamics of Metaphor Performance / R. W. Gibbs, L. J. Cameron // Cognitive Systems Research. — 2008. — № 2. — P. 64—75.
18. Harvey A. D. The Body Politic : Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // Contemporary Review. — 1999. — P. 23—45.
19. Koshkarova N. N. Confrontation or Warfare: how information in the Western Mass-Media Creates Discourse Destruction / N. N. Koshkarova, N. B. Ruzhentseva // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2016. — № 4 (49). — P. 129—134.
20. Lakoff G. Metaphor and war : the Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff // Peace Research. — 1991. — № 2 (3). — P. 25—32.
21. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 193 p.
22. Mollin S. The Use of Face-Threatening Acts in the Construction of In- and Out-Group Identities in British Parliamentary Debates / S. Mollin // The Discursive Construction of Identities On- and Offline. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2018. — P. 205—226.
23. Musolff A. The Embodiment of Europe : how do Metaphors Evolve? / A. Musolff // Body, Language and Mind 2 : Sociocultural Situatedness (Cognitive Linguistics Research 35.2). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. — P. 301—326.
24. Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric / M. Osborn // Western Speech. — 1967. — № 31. — P. 121—131.

25. *Shutova E.* Statistical metaphor processing / E. Shutova, S. Teufek, A. Korhonen // *Computational Linguistics*. — 2013. — № 39 (2). — P. 301—353.
26. *Solopova O. A.* Prognostic Potential of Political Metaphors / O. A. Solopova, A. P. Chudinov // *Fachsprache*. — 2019. — 41 (S1). — P. 48—64. — DOI: 10.24989/fs.v41iS1.1765.
27. *Solopova O. A.* Retrospective analysis of British political discourse about the future of the USSR / O. A. Solopova // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. — 2019. — № 4. P. 124—134. — DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-124-134.
28. *Starr S.* The Israel conflict system : analytic approaches / S. Starr, S. Dubinsky. — London : Routledge, 2015. — 270 p.
29. *Trim R.* Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping / R. Trim. — New York : Palgrave Macmillan, 2011. — 230 p.
30. *Vertessen D.* A Metaphorical Election Style : patterns of Symbolic Language Use in Belgian Politics / D. Vertessen, C. de Landtsheer // *Politics, Language and Metaphor*. — London : Routledge, 2008. — P. 271—285.

MATERIAL RESOURCES

- BNA* — *Archive The British Newspaper Archive*. Available at: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed 23.09.2020).
- CA* — *Chronicling America: the National Endowment for the Humanities and the Library of Congress*. Available at: <https://chroniclingamerica.loc.gov/> (accessed 23.09.2020).
- Trove*. Available at: <https://trove.nla.gov.au/> (accessed 23.09.2020).

REFERENCES

- Ainsa, F. (1990). *Nesesidad de la utopia*. Buenos Aires: Tupac Ediciones. 171 p.
- Bachurin, V. D. (2014). Manipulative technologies used by the media in modern military-political discourse. *Political linguistics*, 4 (50): 99—104. (In Russ.).
- Barber, R. (2007). *British Myths And Legends*. Southhampton: The Folio Society. 572 p. (In Russ.).
- Bernat, O., Chernysheva, M., Shatrovich, N., Raevskaya M. (eds.). (2019). The development of intercultural competence of students at a foreign lesson when working with digital archives of the Second World War period (based on the material of periodicals). *ICERI2019 Proceedings 2019*. Spain: Seville. 6051—6058.
- Birke, J. (2006). A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of nonliteral language. *Proceedings of EACL-06 2006*. Italy: Trento. 329—336.
- Boyko, S. V. (2014). Philosophical problems of war and peace: types and types of wars of the modern era, their features. *Scientific thought*, 1 (120): 16—24. (In Russ.).
- Chilton, P. A. (2005). Manipulations, Memes and Metaphors : the Case of Mein Kampf. *New Perspectives on Manipulative and Ideological Discourse in Pragmatics and Discourse Analysis*. Amsterdam: Benjamins. 15—43.
- Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (eds.). (2020). *Political metaphorology: discursive turn*. Moscow: Flint. 236 p. (In Russ.).
- Frank, R. M. (2009). Shifting Identities: Metaphors of Discourse Evolution . *Metaphor and Discourses*. New York: Palgrave MacMillan. 173—189.
- Frolova, I. T. (ed.). (2001). *Philosophical Dictionary*. Moscow: Republic. 719 p. (In Russ.).

- Gibbs, R. W., Cameron, L. J. (2008). The Social Cognitive Dynamics of Metaphor Performance. *Cognitive Systems Research*, 2: 64—75.
- Harvey, A. D. (1999). The Body Politic : Anatomy of a Metaphor. *Contemporary Review*, 275: 23—45.
- Ishchenko, N. A. (2007). Military discourse and the discursive dimension of war. *Culture of the peoples of the Black Sea region*, 116: 22—24. (In Russ.).
- Kondratieva, O. N. (2011). Metaphorical representation of religious concepts in the literature of Ancient Rus. *Questions of cognitive linguistics*, 4 (29): 36—47. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2016). Confrontation or Warfare: how information in the Western Mass-Media Creates Discourse Destruction. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 4 (49): 129—134.
- Lakoff, G. (1991). Metaphor and war: the Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. *Peace Research*, 2 (3): 25—32.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 193 p.
- Mollin, S. (2018). The Use of Face-Threatening Acts in the Construction of In- and Out-Group Identities in British Parliamentary Debates. *The Discursive Construction of Identities On- and Offline*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 205—226.
- Musolff, A. (2008). The Embodiment of Europe: how do Metaphors Evolve? *Body, Language and Mind 2: Sociocultural Situatedness (Cognitive Linguistics Research 35.2)*. Berlin: Mouton de Gruyter. 301—326.
- Olyanich, A. V. (2015). Militar (military) discourse. *Discourse-P*, 12 (2): 165—167. (In Russ.).
- Osborn, M. (1967). The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric. *Western Speech*, 31: 121—131.
- Shutova, E., Teufek, S., Korhonen, A. (2013). Statistical metaphor processing. *Computational Linguistics*, 39 (2): 301—353.
- Solopova, O. A. (2019). Retrospective analysis of British political discourse about the future of the USSR. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4:124—134. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-124-134.
- Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2018). Diachronic analysis of political metaphors in the british corpus: from victory bells to russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2): 313—337. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337. (In Russ.).
- Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2019). Prognostic Potential of Political Metaphors. *Fachsprache*, 41 (S1): 48—64. DOI: 10.24989/fs.v41iS1.1765.
- Solopova, O. A., Saltykova, O. A. (2019). Architectonics of a bright future in foreign military-publicistic discourses during the Second World War. *Russian linguistic journal*, 23 (3): 762—783. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783. (In Russ.).
- Starr, S., Dubinsky, S. (2015). *The Israel conflict system: analytic approaches*. London: Routledge. 270 p.
- Trim, R. (2011). *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. New York: Palgrave Macmillan. 230 p.
- Vertessen, D. A. (2008). Metaphorical Election Style: patterns of Symbolic Language Use in Belgian Politics. *Politics, Language and Metaphor*. London: Routledge. 271—285.
- Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Yu. (2011). *Corpus linguistics*. Irkutsk: IGLU. 161 p. (In Russ.).